Узкий дверной проем находился между двумя стенами с неровной белой штукатуркой, облупившейся минимум десять лет назад. Сквозь щели были видны какие-то куски, покрытые грязью. Они медленно отваливались от деревянных каркасов. Шест, полосатый красно-белый, торчал прямо над окном со ставнями и громыхал от малейшего порыва ветра — типичные атрибуты цирюльни.

По крайней мере, так было на Земле. Дмитрий предполагал, что то же самое справедливо и в этом обществе, жизнь которого удивительно похожа на средневековую Европу. Вот почему работа парикмахером была у него не на первом месте. Хотя он и мог брить кожу, но делать привлекательные красивые стрижки не было его коньком. Роли парикмахера и хирурга весьма отличались друг от друга.

Или так думал Дмитрий. По пути из переулка Милли объяснила, что хирурги-парикмахеры занимаются всем: от стрижки и ампутаций до стоматологии, а иногда даже имеют дело с чумой.

Ужасающая перспектива.

В любом современном обществе глубокая сложность каждой из этих обязанностей требовала навыков высокообразованного специалиста, прошедшего многолетнюю подготовку. Даже парикмахеры были знакомы с бесчисленными подробностями, включая основы дерматологии и безопасность лезвий.

Однако нечто вроде ампутации было еще более тонким делом. Медсёстры и анестезиологи работали вместе с хирургами, специализирующимися на удалении органов, а затем с протезистом, физиотерапевтом и психологом, преодолевая физические и психологические препятствия, связанные с потерей плоти.

Как, чёрт возьми, это всё мог делать лишь один человек? Было ли это вообще реально, чтобы парикмахер-хирург освоил свои обязанности в стране, где выбрасывать свои отходы вместе с неочищенной сточной водой из окна было нормой? Показатели выживаемости не могли быть высокими.

Это всё, о чём мог думать Дмитрий, следуя за Милли с опущенными глазами.

Она остановилась, дойдя до выступающего порога парикмахерской. Её лоскутное платье развевалось на надвигающемся порыве ветра.

- Это цирюльник, который наблюдал за измотанной мной... И гипнотизёр, много лет назад. Если я скажу ему, что ты стал клириком с благословения Зеры, он обязательно примет тебя во внимание, понимаешь?

Дмитрий не возражал против её предположений о его святости. Пока Милли соблюдала лечение, то, как она его называла, не имело значения. Больше всего его беспокоила перспектива работать у парикмахера-хирурга. Однако, несмотря на его домослы, намекающие на неминуемую катастрофу, существовала надежда, что в мире, где инструменты, оружие и стены сияли раскаленным светом, где приглушенный шепот в темноте порождал свет, существовала подобная магия и для заполнения пробелов в этих знаниях.

Вспомнив время, проведенное в темном зале, Дмитрий взглянул на голубую пешку на своем запястье. "Инвизал". Если бы он произнес это заклинание, и оно сделало бы его невидимым, магия могла бы таить в себе возможности более экстравагантные, чем создание света.

Что, если существовало заклинание, разрушающее тромб? Заклинание, способное вылечить генетическое заболевание? Регенерация ткани мозга после инсультов, церебральных аневризм или кислородного голодания? Возможно, в этом мире медицина и хирургия были всего лишь дополнительной церемонией перед целительной магией.

Дмитрий многого здесь не знал.

Он слишком рано судил ритуалы загадочного народа. Он будет стремиться более тщательно исследовать заклинания, когда он начнёт стабильную жизнь, а сейчас он должен сосредоточиться на основных потребностях.

Дмитрий выпрямил спину и поправил свою робу, с выражением уверенности, какая только может быть у босого человека.

- Я готов.

- У тебя все получится! — Воскликнула Милли со свежим энтузиазмом в голосе. — Зера об этом позаботится.

- Очень на это надеюсь.

Она толкнула дверь на ржавой металлической петле, и она заскрипела.

Перед ним предстало узкое помещение, полное керамических ваз и различных стеклянных банок, наполненных жидкостью, а откуда-то изнутри мужчина самоуверенно крикнул:

- У меня пациент. Подождите снаружи.

- Это срочно, - сказала Милли, - Целитель с даром от самой Зеры пришёл нас всех спасти! Он хочет предложить свою помощь.

- ... Подождите минутку, пока я с этим не разберусь, хорошо? - Ворчливо произнёс мужчина кому-то, кого не было видно. Спустя несколько тяжелых шагов, его густые брови выглянули из-за каменной арки.

- Что?

Дмитрий подумывал представиться, но вместо этого промолчал. Чтобы не показывать свое незнание обычаев этого мира, он позволил Милли представить его вместо себя.

Несколько её редеющих волос выпали, когда она отвесила ему два спешных поклона.

- Инграм, сэр, это... - Милли оглянулась назад, её бледное лицо было наполнено ужасом от того, что она забыла узнать самую важную деталь.

Дмитрий коротко поклонился.

- Я Дмитрий. Рад встрече.

Парикмахер проигнорировал его.

- Я тебя помню. - Он подошел к Милли и приподнял ее голову за скулы. - Это ты говорила, что твой знак преданности тебя душил.

- Д-да, но мне уже лучше. Дмитрий лечит...

- Стой смирно. - Два пальца парикмахера ткнули комок на горле Милли.

Женщина схватилась за шею и опустилась на колени, закашлявшись.

Глаза Дмитрия распахнулись. Что он только что увидел? Этот цирюльник что, не мог просто пальпировать зоб, как все нормальные люди?

Стиснув зубы, Дмитрий скрыл отвращение. Он ничего не сказал. Получив работу и постепенно внедрив надлежащие методы обследования, удалось бы сделать больше, чем просто вызвать недовольство парикмахера-хирурга сейчас. Особенно, когда Милли была не единственной жертвой. В комнате впереди яркий свет отпечатал на стене тёмный силуэт четвертого человека. Он хрипел. Ещё один пациент. Если бы Дмитрий сейчас на него набросился, получил ли бы он вообще должное лечение?

Цирюльник спокойно вытер кончики пальцев об окровавленную розоватую тряпку, свисавшую из заднего кармана.

- Шишка все ещё есть, но никто и не ожидал, что что-то изменится.

- А вы разве не замечаете? Я теперь полна энергии. - Взмолилась Милли. - А всё из-за священного лекарства, понимаете?

- Какого лекарства?

- Сушёные морские водоросли. Я вчера немного их съела.

Из нутра парикмахера вырвался продолжительный смех. Он ухмыльнулся Дмитрию.

- Некоторые всё такие же доверчивые, как и всегда, а?

- Ошибаешься. - Сказала Милли. - Дмитрий даже денег не просил. Он сделал это во имя славы Зеры.

- Да, определённо поэтому.

Дмитрий закрыл за собой дверь, не пропуская ледяной ветер в цирюльню.

- Я могу доказать, что мои методы работают. У вас там ведь пациент, не так ли?

Кустистые брови парикмахера нахмурились.

- Ну и что?

- Я могу ему помочь.

Его взгляд скользнул по белой одежде Дмитрия.

- То, что ты паломник, не означает, что ты получил одобрение Зеры, и это не значит, что ты можешь делать то, что делаю я. - Он взял с ближайшей полки небольшую баночку. - Вот, возьми щепотку соли и иди прочь с моих глаз. Зубы ею почисть.

- Как насчет того, чтобы вместо того, чтобы давать мне эту ничтожную подачку, как всем остальным, вы позволите мне показать вам, на что я способен?

Парикмахер просканировал глаза Дмитрия, как хирург, смотрящий на рентген и выискивающий переломы шейного отдела позвоночника у жертвы хлыстовой травмы после аварии. Его рука задумчиво почесала лысину, а затем поставила банку с солью на место. С его губ сорвался вздох.

- Только не трогай мои инструменты. Это касается и тебя, Мадалинда.

- Благодарю за вашу щедрость. - Пробормотала она. - Да направит вас Селеста.

Короткий путь мимо полок вёл в другую комнату, где были бритвы, пилы и маленькие твари, похожие на слизней, покачивающиеся луковицы и присоски. На барном стуле посередине сидела молодая женщина не старше двадцати лет. Хрипя под платком, больная осторожно осмотрела Дмитрия. Её дыхание участилось, когда она увидела его босые ноги.

Хотя ее хрипы указывали на потенциально смертельную обструкцию дыхательных путей, этого было недостаточно для постановки диагноза. Дмитрий опустился на колени, чтобы поравняться с ней.

Она отвернулась.

- Знаю, знаю. - Цирюльник помахал рукой. - Просто дай ему немного поразвлечься. А потом, после того, как он сдастся, я пролечу тебя пиявками, как подобает.

Лечение пиявками? Эта женщина могла умирать, и решением парикмахера были пиявки? Никаких волшебных лекарств? Даже никаких светящихся инструментов? Опасаясь худшего, Дмитрий пристально посмотрел на больную.

- Я знаю, что я не очень хорошо одет, и у меня немного растрепаны волосы, но обещаю, что не сделаю ничего, что могло бы причинить вам боль. Я знаю, что вам трудно дышать. Вы позволите мне помочь вам?

После нерешительного кивка она посмотрела Дмитрию в глаза.

Пол скрипел, когда Милли медленно приближалась из другой комнаты. Она бормотала непонятные молитвы, и с вмонтированной в стену подставки статуя женщины залила комнату ярким светом. Она осветила чрезвычайно опухшие губы пациента.

Глубокий отек кожи - ангионевротический отек. Этот симптом, наряду с хрипами, заставил Дмитрия заподозрить пищевую аллергию, но подтверждение без дальнейшего обследования было невозможно.

- Ты можешь открыть рот?

Она сделала так, как он сказал.

- Всё веселишься? - Задумчиво сказал парикмахер.

Не обращая внимания на провокационный комментарий, Дмитрий всмотрелся в угол рта пациента. Набухшая краснота распространилась за пределы ее языка и воспалила нёбный язычок, вызвав отек глотки, который, вероятно, распространился по всему горлу. Чтобы определить, что воспаление достигло дыхательных путей, эндоскоп не требовался. Хрипение было достаточным доказательством. Но была ли пищевая аллергия причиной?

Дмитрий откинулся назад.

- Мадам, вы чувствуете зуд или боль?

- Мой рот в огне. - Прохрипела она после тяжелого вздоха. - Такое ощущение, будто я жую спелый дынный перец. И живот так болит, что хочется вырвать.

Еще одно доказательство в поддержку его гипотезы.

Парикмахер покачал головой.

- Каждый раз, когда Идалия приходит сюда, я говорю ей, чтобы она перестала спать на животе. Неужели так трудно меня послушать?

- У неё не поэтому болит живот. - Сказал Дмитрий. - Я думаю, что это желудочно-кишечная анафилаксия, вызванная аллергией, но без...

- А теперь разбрасываешься умными словечками, чтобы меня впечатлить?

Вы никогда даже не слышали об аллергии? Она может убить бедную девушку.

Идалия бросила на парикмахера обеспокоенный взгляд.

Он оттолкнулся от стены.

- Конечно, я знаю что такое аллергия. И аналтрилаксия! - Цирюльник указал на желтую бумажку, прибитую к стене. - Думаешь, гильдия выдает сертификаты каждому встречному?!

Приглушенные молитвы Милли стали громче, когда глаза пациентки метались по комнате, не зная, кому верить.

Дерьмо. Хотя сегодня пациентка могла бы выжить, тяжелая реакция на неизвестный аллерген в конечном итоге унесла бы ее жизнь. В этом мире не было инъекций адреналина или антигистаминных препаратов. Права на ошибку не было.

Дмитрию пришлось проявить притворное уважение и утешать эго парикмахера.

- Признаю, вы знаете больше меня.

- Само собой!

- Вы также знаете, что для лечения аллергии и аналтрилаксии нам нужно устранить пищу, которая...

- Да знаю я! - Закричал цирюльник. - Я просто говорю, что в этом случае пиявки подойдут лучше всего.

Пиявки могут справиться с воспалением, но это всего лишь симптом. А нам нужно устранить причину.

- Тогда как же ты собираешься вытянуть проклятую кровь из ее губ, придурок?

Понимая, что его доводы не работают, Дмитрий выбрал схему, которая принесла бы пользу ему, пациенту и защищающемуся парикмахеру-хирургу.

- Почему бы не попробовать мой способ, а затем доказать мою неправоту с помощью пиявок?

- Я не должен ничего доказывать какому-то бродяге. - Цирюльник указал на выход. - Вон.

В отчаянии взгляд Дмитрия вернулся к Идалии.

- Скажите мне, быстро. Что вы ели сегодня утром? Постарайтесь быть точными - это может спасти вам жизнь.

Девушка колебалась.

- Я... Я ела свиную колбасу и гречневый суп, и немного овощей.

- Ладно. - Парикмахер потопал прочь. - Если ты сам не можешь уйти, я попрошу кого-то тебе помочь.

Дверь скрипнула, и мучительный ветерок пронесся по парикмахерской.

- Стража!

С паникой в глазах Милли потянула Дмитрия за руку.

- Нам нельзя здесь оставаться!

Её испуганный ответ намекал, что охранники Рейвенфола не отнесутся любезно к двум бездомным, вторгшимся в учреждение так называемого врача, но все фибры Дмитрия умоляли его остаться, чтобы помочь больному человеку перед ним. Но он не мог оставаться долго. Поступить так означало рискнуть жизнью Милли.

Перед тем, как выйти, он дал ей жизненно важный совет.

- Идалия, вам следует воздержаться от употребления всей пищи, которую вы ели этим утром. Я знаю, это звучит странно, но я смогу объяснить поподробнее, если вы найдете меня в переулке возле церкви как-нибудь потом. Клянусь Зере, вам больше никогда не придется так хрипеть.

Девушка поспешно кивнула.

- Да направит тебя Селеста.

Когда Дмитрий бросился прочь от нее, мимо разъярённого парикмахера и по обледенным дорогам из гравия, в его груди жгло желание срочности. Жители этого города умирали от неоправданно смертельных болезней. А ещё он голодал.

Обе проблемы имели простое решение: исключить посредников.

Куски дерева и обрезки ткани были теперь сложены у стен переулка, чтобы освободить место для пустого ящика для хранения вещей. В шестой раз он царапал земляной пол, прежде чем ударить деревянным стуком по другому ящику, образовав стол для медицинского осмотра бедняка. Рядом стоял шаткий стул, на котором лежало сложенное одеяло, предоставленное Милли.

Дмитрий раздвинул импровизированное покрытие стола и отступил назад, чтобы издали оценить свой «кабинет врача». Здесь тоже было недостаточно хорошо. Хотя солнце освещало лежащего больного, пока оно оставалось на небе, его свет попадал и в глаза Дмитрия.

Никто не поверит врачу, который будет всё время щуриться.

Выбросив опасные керамические осколки на гравийную улицу, Дмитрий подошел к ящику и снова схватил его. Боль пронзила его бедро, когда он тащил его через переулок. Он вздрогнул, когда боль в руках усилилась, но мысли о безрассудно растраченных жизнях подстегивали его. Цикл, который он стремился завершить своими усилиями. К моменту прибытия пациентов все должно было быть идеально, что могло произойти в любой момент.

Даже сейчас Милли посещала больных знакомых по всему Рейвенфолу в поисках потенциальных клиентов. Она сделала это по просьбе Дмитрия вскоре после того, как они покинули парикмахерскую. Он планировал вылечить как можно больше людей, и делал бы это бесплатно.

Его решение было принято не только из-за желания помочь бедным, но и потому, что создание клиентской базы и репутации имело приоритет над краткосрочной прибылью. Хотя, возможно, и были люди, готовые платить деньги хирургу, оперирующему в переулке, но их было немного. Бесплатный вход с отличными результатами привел к быстрому распространению слуха - лучшей рекламы. Как только у Дмитрия появится постоянный поток пациентов, он будет взимать плату ровно такую, чтобы он мог позволить себе еду, оборудование и стерильное рабочее место. Только тогда он сможет обеспечить им приемлемый уход.

Таким пациентам, как Милли, больше не придется страдать от недостатка минералов.

Таким пациентам, как Идалия, больше не придется умирать из-за варварских процедур цирюльников.

Несмотря на туманные обстоятельства, планы сделать медицину этого мира современной вызвали улыбку на лице Дмитрия. Ни у одного хирурга никогда не было такого большого шанса повлиять на общество. Ради этого ему стоило жить.

Когда последний ящик царапался о землю переулка, сзади слышались медленные шаги.

Голова Дмитрия откинулась назад.

С улицы осторожно вошел мужчина. Глаза его были скрыты под грязно-коричневым капюшоном, а тело обвивала такая же коричневая и грубая туника. Он взглянул на Дмитрия, прежде чем отступить, чтобы еще раз осмотреть ближайшие витрины магазинов.

- Между булочной и магазином с различными товарами. - Громко объявил он. - Она сказала, что здесь находится святой клирик Дмитрий. Это и есть то место, верно?

Вместо того, чтобы как следует поприветствовать своего пациента, из-за рваной одежды у него возникло чувство стыда. Но, вместо того, чтобы спрятаться, как того требовали его инстинкты, он уверенно шагнул вперед и улыбнулся.

- Верно, это то место.

Рот пациента принял такую форму, словно сдерживал разочарование всю свою жизнь.

- Да что вы...

Дмитрий почувствовал, что его самооценка резко упала, но главной заботой было разрушить источник напряжения - свою внешность. Он посмотрел на свою одежду и сфабриковал ложь, используя концепции этого мира, которые ему уже довелось изучить.

- Да, я знаю, что на целителя я не слишком-то похож. Я был в паломничестве, как тут на мой караван напали язычники. Теперь у меня даже нет денег, чтобы купить нормальную одежду. - Он усмехнулся. - Но, думаю, могло быть и хуже.

- Да. - Пациент выдавил улыбку. - Лучше бедный, чем мёртвый.

Наладив хоть какое-то взаимопонимание, Дмитрий хлопнул по верху ящика рядом с собой.

- Итак, знаете, я был бы признателен, если бы вы представили, что это смотровой стол.

- Они и его сломали?

- Я был слишком напуган, чтобы вернуться и проверить. Я просто убежал.

- Да не вините себя. - Его руки теперь были не скрещены, а раскрыты и расслаблены, пациент сел. - Все, что меня волнует, это вытащить моих жену и детей.

Не склонный к обязательствам, даже в свои тридцать с небольшим, Дмитрий восхищался преданностью этого человека своей семье, несмотря на его юный возраст.

- Уверен, у вас много дел дома, так что перейдём сразу к делу. Не могли бы вы назвать мне свое имя и сказать, на что жалуетесь?

- Я Роуэн и... - Пациент скрестил руки и взглянул на свои ботинки. Пронизывающий ветер трепал его неестественно белые волосы, которые свисали на лоб. - Я думаю, я одержим Древним Злом.

Готовясь услышать еще больше об обмане церкви, Дмитрий покрутил шеей.

- Я весь во внимании.

- Я всегда уставший, и всё моё тело болит.

- Можете ли вы уточнить, где конкретно болит и какую боль вы чувствуете? Это ноющая боль или, может быть, что-то вроде покалывания?

- У меня всегда болит голова. - Сказал Роуэн. - Как будто её немного сжимают в тисках, а поясница и плечи не дают мне спать по ночам. - Он провел двумя руками по ноге. - И здесь тоже. Мои колени, бедра и лодыжки. Иногда мне трудно даже ходить.

Несмотря на длинный список симптомов, они не слишком помогли Дмитрию поставить диагноз. Всё, от фибромиалгии до синдрома хронической усталости, вызывало головные боли, болезненность суставов и общую скелетно-мышечную боль. Мир, наполненный уникальными фенотипами, отличающимся особым цветом волос, ещё больше усложнял лечение. Кто знал, какие ещё неизведанные болезни отравляли жизнь людей?

Дмитрий упал на свой шаткий табурет, который наклонялся при малейшем движении, и оперся подбородком на кулак.

- Уверен, что из-за боли вам сложно заботиться о своей семье.

- Даже не представляете, как.

- Есть ли что-то еще, о чем мне следует знать? Хоть что-то?

- Ну... - Голос Роуэна понизился до шёпота. - Помните, я говорил, что я одержим?

- Да.

Роуэн изо всех сил пытался стащить ботинок, заляпанный сухой грязью, и потер ушибленную лодыжку.

- Епископ Марианна сказала, что оно будет появляться в том месте, где дух изнутри выходит на свободу, и что мне нужно будет регулярно покупать средства для очищения, если я хочу, чтобы боль прекратилась.

Взимание денег за фиктивное лечение - классика. Дмитрий подавил желание щелкнуть языком.

- Когда духи выходят на свободу, что вы делаете и как выглядит ваша лодыжка?

- Просто хожу, обычно. Становится красной и опухает.

Всякий раз, когда Дмитрий видел лодыжку, которая часто «лопалась» или «ломалась» перед появлением синяков и отеков, он сразу же подозревал нестабильность голеностопного сустава. Причиной обычно была ранее поврежденная связка, которая неправильно зажила после растяжения связок лодыжки, что повышало вероятность будущих растяжений. Но так было не всегда. Никогда нельзя быть уверенным без проведения соответствующих тестов.

Сожалея о том, что у него нет доступа к аппаратуре визуализации для сбора информации по диагностике, Дмитрий опустился на колени.

- Сейчас я приступлю к вашему осмотру. Лягте, согните колено так, чтобы ступня лежала на

ящике, и скажите мне, если почувствуете что-нибудь.

Роуэн подчинился.

Дмитрий нацелился на переднюю таранно-малоберцовую связку. Из трех, составляющих латеральную коллатеральную связку стопы, она была самой хрупкой и поэтому обычно приводила к повторным растяжениям голеностопного сустава. Он собирался проверить её целостность с помощью теста на переднем ящике.

Однако, когда Дмитрий подтянул штанину пациента, там оказалось нечто совсем иное.

Синяки.

Много синяков. Большие и маленькие, фиолетовые и черные, они заполняли ногу больного от голени и икры до бедра. Это были не те синяки, что бывают при растяжении связок лодыжки и не те, что наблюдались при переломах.

Это было что-то другое.

- Что? - Туловище Роуэна поднялось вверх. - Нашли злой дух?

- Эти синяки, - говорил Дмитрий, - откуда они у вас?

- О, эти? Они у меня постоянно появляются. Иногда я только просыпаюсь а у меня уже полно новых. Боль не такая уж сильная, так что в этом нет ничего страшного.

Нет. Это было страшно. Огромная проблема. Мужчина двадцати с небольшим лет, такой как Роуэн, не должен иметь так много синяков и они не должны были так часто появляться. Они указывали на обильное кровотечение под кожей.

В обычном случае Дмитрий счёл бы это гемофилией или частым сочетание ревматоидного артрита и анемии, что стало причиной синяков и обширной боли в суставах, но ситуация изменилась, когда он стал пальпировать лодыжку Роуэна.

Кожа.

Она была слишком мягкой, как у новорожденного.

Глаза Дмитрия распахнулись. Эти симптомы: скелетно-мышечные боли, нестабильность суставов, слишком гладкая кожа, обильные внутренние гематомы. Они часто возникали одновременно в группе заболеваний соединительной ткани, которые когда-то считались редкими, но с каждым годом диагностировались всё чаще. Сегодня о них знали даже такие хирурги, как он.

- Протяните руку. - Скомандовал Дмитрий.

Дыхание Роуэна стало прерывистым и учащенным.

- В-вы что-то нашли? Всё очень плохо?

- Скажу вам после ещё нескольких тестов.

- Ладно...

Дмитрий схватил Роуэна за запястье и ущипнул тыльную сторону ладони. Подобно рыхлому бархату, кожа молодого человека растянулась на несколько дюймов больше, чем должна была бы у любого здорового человека.

Гиперэластичная кожа.

Хотя это, вероятно, исключило синдром Лойса-Дитца, одно из нескольких потенциальных генетических заболеваний, а легкие синяки исключили синдром Марфана, Дмитрий ещё не мог поставить окончательный диагноз. Следующим шагом было тестирование гипермобильности суставов с помощью системы оценки по шкале Бейтона.

Он оттянул мизинцы Роуэна, которые согнулись настолько, что почти достигли тыльной стороны руки. Затем он втянул большие пальцы до упора в запястье. Осмотрев локти, колени и позвоночник пациента при различном растяжении, Дмитрий убедился, что у пациента подвижные и нестабильные суставы.

Роуэн ничего не говорил. Ветер развеивал длинные белые волосы, вылезавшие из-под его коричневого капюшона, перед задумчивым нахмуренным лицом.

Глубоко вдохнув холодный и сухой воздух, Дмитрий опустился в своё кресло. Он помассировал лоб. В жизни было мало вещей более душераздирающих, чем болезненный прогноз на всю жизнь для мужчины с детьми, и ещё более, когда дети, вероятно, были такими же больными и не было никакой надежды на выздоровление. Даже с учетом земных технологий.

Двое мужчин некоторое время сидели молча.

- Всё плохо, не так ли? - Наконец спросил Роуэн.

- Вы сказали, что у вас есть дети, да? Знаете ли вы, есть ли у них ложные суставы и так же ли легко у них появляются синяки, как у вас?

Рот Роуэна открылся.

- Как вы...

Словно человек, виновный в совершении непростительных табу, он корчился на столе для осмотра, сооружённом из ящиков.

- Думаю, вы и правда святой целитель, как говорила Милли. Вы смогли узнать это, хотя мы с женой прячем детей дома. Что же, теперь вы собираетесь всем это рассказать? Что они одержимы, как я?

- Нет. - Сказал Дмитрий. - Я никому ничего не скажу, и никто из вас не одержим. У вас болезнь, называемая синдромом Элерса-Данлоса, и, вероятно, она есть и у ваших детей. Это заболевание передается генетически, и лекарства от него нет.

- Что вы имеете в виду, как?

Размышляя о том, как лучше всего объяснить генетическое заболевание в мире без туалетов, Дмитрий откинулся на спинку стула, прислонившись к белой оштукатуренной стене.

- У каждого в организме есть штука, называемая коллагеном, и она отвечает за сохранность плоти. К сожалению, ваш коллаген работает неправильно. Вот почему у вас так часто возникают растяжения связок голеностопного сустава — связки, удерживающие суставы вместе, нестабильны. Это также объясняет, почему ваша кожа такая мягкая и эластичная и почему ваши кровеносные сосуды так сильно лопаются, что по всему телу появляются синяки. Теперь вы понимаете?

Ошарашенное выражение лица Роуэна стало только мрачнее.

Этого было достаточно, чтобы Дмитрий опустил информацию о различных подтипах синдрома Элерса-Данлоса и возможных осложнениях. Не то чтобы он знал достаточно, чтобы говорить о них профессионально. Он не был ревматологом или генетиком.

- Я хочу сказать, что у вас и ваших детей эта проблема останется на всю жизнь. При обычных обстоятельствах я бы прописал вам обезболивающее, но боюсь, я забыл его в своем караване, который теперь далеко-далеко.

- Так вы хотите сказать, что мы не одержимы? - Роуэн вскочил. - Просто испытываем очень сильную боль?

Неужели Дмитрий зря все это сказал? Возможно, он выгрузил на него слишком много информации.

- На данный момент - да. Боюсь, что со временем будет только хуже. У вас также могут начаться вывихи суставов, иногда даже в тех местах, где их нет ни у одного здорового человека.

Весь цвет покинул лицо Роуэна.

- Так вот что происходило с моим отцом... Подожди! Нет, значит ли это, что мои дети... О нет. - Опустив глаза в землю, он ходил по переулку. - О нет, о нет, о нет... Да направит нас Селеста.

Наблюдать за тем, как отец впадает в панику из-за страданий, которым в конечном итоге подвергнутся его дети, было утомительно. Дмитрию пришлось отвернуться, чтобы не показывать стиснутые зубы. Должно же быть что-то, что он мог сделать. Зачем ставить пациенту и его семье диагноз, полный изнурительных болей, только для того, чтобы оставить их с этим наедине?

Однако, таблеток всё ещё не существовало.

А изготовить их без средств и оборудования было невозможно.

Но была одна вещь.

Хотя Дмитрий не был физиотерапевтом, работа в хирургии также включала в себя разработку программ физической реабилитации для пациентов, потерявших свободу передвижения в результате травм. То же самое может сработать и с пациентом с Элерса-Данлоса. За счет увеличения силы и выносливости окружающих мышц суставы станут более стабильными, что уменьшит вероятность вывихов, подвывихов и болей.

- Эй, Роуэн!

Отвлечшись от своих размышлений, молодой человек поднял глаза.

— Ах, извините за это. - Он подошел ближе. - Я просто думал вслух. Спасибо, ну, знаете, за это.

- Рано ещё меня благодарить. — Сказал Дмитрий. - Я научу вас, как облегчить боль. Вы будете лучше спать, ваше тело не будет так сильно болеть, и вам не придется никому ничего платить. Даже за средства очищения от церкви.

Роуэн резко вскочил.

- Вы можете это сделать?

- Нет, вы будете делать это. Это называется водная терапия. Если вы приведете сюда своих детей, я покажу вам всем, как это делается.

Оживленный после спада настроения, молодой человек приготовился броситься прочь. Однако, прежде чем исчезнуть на улице, Роуэн повернул обратно. Его рука потянулась к коричневой тунике, вытащила медную монету и с грубым металлическим звоном швырнула её на смотровой стол.

Дмитрий голодными глазами ласкал деньги другого мира. - А разве... разве Милли не говорила, что я делаю это бесплатно?

- Ага. - Роуэн широко ухмыльнулся. - Я просто не хочу, чтобы вы умерли с голоду до того, как я вернусь. Девушка с пирожками с мясом приходит около полудня. Да направит тебя Селеста, святой целитель.

<http://tl.rulate.ru/book/35180/1150195>